

КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА В АСПЕКТЕ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

М. В. Загидуллина

*Челябинский государственный университет,
ул. Братьев Кашириных, 129, 454001, г. Челябинск, Россия,
mzagidullina@gmail.com*

В статье дается обзор основных проблем популяризации научных знаний в условиях тотально медиатизированного общества. Автор полагает, что для российского научного сообщества свойственно консервативное представление о коммуникации с широкой публикой, а также не пересматриваемые десятилетиями взгляды на сущность науки и ее функции, создающие условия для неадекватного представления места научного знания в общем информационном поле.

Ключевые слова: популяризация науки; медиатизация; научная коммуникация.

COMMUNICATIVE PRACTICES OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY IN THE ASPECT OF MEDIATIZATION OF SOCIETY

M. V. Zagidullina

*Chelyabinsk State University,
129, Bratiev Kashirinykh Str., 454001, Chelyabinsk, Russia
Corresponding author: M. V. Zagidullina
(mzagidullina@gmail.com)*

The article provides an overview of the main problems of popularizing scientific knowledge in a totally mediatised society. The author believes that the Russian scientific community is characterized by a conservative idea of communication with the general public, as well as views on the science's functions that have not been revised for decades, creating conditions for an inadequate representation of the place of scientific knowledge in the dense information field.

Key words: popularization of science; mediatisation; scientific communication.

Вопросы популяризации науки рассматриваются в мировой коммуникативистике параллельно с развитием самой теории медиа, т. е. имеют солидный стаж. В разные периоды популяризация науки рассматривалась и как отдельный аспект медийной повестки, и как «растворенная» в других темах часть дискурса; поднимались вопросы адекватности освещения научных открытий в СМИ, рассматривались способы адаптации научной информации для широкой публики. Популяризация науки велась как в специализированных изданиях (например, «Наука и жизнь», «Химия и жизнь» и др.), так и в массовых изданиях широкой тематики в специальных рубриках или в связи с конкретными событиями и датами научного мира.

Однако все эти наработки требуют пересмотра в эпоху медиатизации общества, когда производство и потребление информации потеряли черты, связанные с действительностью иерархий, строгих структур, институциональности и подконтрольности.

Конкретно в российской ситуации можно выделить ряд проблем популяризации научных знаний, возможно, связанных с общим консерватизмом научного сообщества (что поддерживается и образовательными кругами, тесно связанными с наукой, в силу того что большинство ученых работают в университетах и занимаются преподаванием параллельно с исследованиями).

Представление о герметизме «лаборатории». Ф. Кротц в начале XXI в. обосновал тезис о медиатизации как метапроцессе, суть которого – неизбежная публичность любых практик и действий. «Прозрачность» стала серьезным вызовом политическим структурам (в настоящее время делаются попытки искусственного приостановления этого объективно неизбежного процесса – например, вывод из пространства публичности закупок для определенных структур в России). Однако следует отметить, что та же самая прозрачность охватила и другие сферы человеческой деятельности. То, что раньше рассматривалось как «случаи», которые никогда не попадут на суд общественности, переместилось в публичную сферу. Прием у врача, неосторожные слова учителя в классе, диалог в кафе между клиентом и официантом – все может стать частью медийной повестки, и для этого совсем не нужны «специальные» или «внештатные» корреспонденты СМИ. Неизбежна и медиатизация науки: общество вовлечено в обсуждение средств, выделяемых из государственных бюджетов на научные исследования, а значит, ожидает и адекватных этим субсидиям результатов. «Лаборатория» (как символ научного действия, «таинства») становится «прозрачной»: ее результативность оказывается таким же объектом общественного

внимания (и критики), как и результативность политических структур, например. «Старый» тезис о «непосвященных профанах» (общество неспособно понять сложность научной работы) тоже ушел в прошлое: благодаря доступности знаний в область неинституциональной экспертизы вовлекается все больше людей, а научное знание перестает быть «крепостным» академий и институций. Эти процессы, однако, не встречают опережающего внимания со стороны научного сообщества, которому «удобнее» культивировать прежнюю «просветительскую» модель «информирования об открытиях». Интересным примером «медиа-давления» может служить история Сколково (и его вынужденного реформирования): оказалось невозможным просто создать «лабораторию» и вкладывать в нее деньги без отчета о результативности структуры. Идеи Б. Латура и М. Колона о том, как взаимодействует «внешнее» и «внутреннее» в работе лабораторий (и «переключение слабого в сильную позицию» с помощью «перетягивания внимания» публики [2; 5; 4]), могли рассматриваться как актуальные достижения STS еще в 2010-е гг., однако после стремительного захвата мира социальными сетями «расклад сил» поменялся, и проблема «герметизма» лаборатории опять претерпела «перезагрузку», требующую постоянного анализа (во всяком случае, со стороны самого научного сообщества).

Невнимание к новым (эмерджентным) формам распространения знаний со стороны научного и образовательного сообщества. Эмерджентные («вдруг появляющиеся») формы знаниевой экосистемы по логике должны быть в центре внимания научного сообщества, становиться частью его коммуникации с обществом. Однако конкретно для российской системы науки этого не происходит. Яркий пример – Википедия и отношение к ней как к «мусорному» источнику. Хотя Википедия на русском языке развивается достаточно активно, она не была вовлечена в научные практики, в образовательной системе также не получила достойной поддержки (и даже наоборот, нередко «клеится» как неприемлемый источник). Сама мысль о том, что «любой» может написать в статье «что угодно» (не имеющая отношения к реальной вики-практике, отличающейся развитой системой ограничений, контроля, чистки информационного поля), воспринимается как знак «низкого качества» вики-информации. Между тем, востребованность статей Википедии настолько велика, что ее можно рассматривать как главный, ключевой способ популяризации знаний (и передового фронта научного знания). Однако научные коллективы не включают в свои задачи написание научных статей в Википедии, обучение работы с вики-инструментами не стало нормой в университетской системе образования, более того,

понятие «медиаграмотности» в России никогда не связывалось, например, ни с овладением навыками глубокого анализа статей в Википедии (умения определять глубину и значимость информации конкретной статьи), ни с умениями создания таких статей. В результате русскоязычная Википедия оказалась полем действия отдельных энтузиастов, что привело к ее крайне неравномерному развитию (связанному с предпочтениями энтузиастов). Примеры широкого системного вовлечения научного и образовательного сообщества в работу над национальным корпусом Википедии (как, например, это сложилось в Германии) остались вне внимания российских знаниевых элит (см. попытку раскрыть положительные эффекты Википедии [1], автор приводит ряд мнений ученых разных стран, подтверждающих, что именно академические круги активно сопротивляются признанию ее значимости).

Неразличение медиатизации научного знания и популяризации науки. Как уже было сказано выше, медиатизация науки предполагает открытость и публичность эффективности «лаборатории» (например, работу сайта научного коллектива, где излагается информация, не адаптированная к уровню понимания и интереса широкой публики, рассчитанная на круг исследователей в той же области знания). Однако факт наличия таких открытых систем (разновидностью их является, например, обязанность каждого отдельного исследователя вести свою «страницу» на сайте организации, выкладывая там обновленный список работ, в большей части выложенных в открытом доступе) говорит о том, что «широкая публика» в любой момент может обратиться к этим источникам в «чистом виде», без какого-либо упрощения или «огрубления». Для такой медиатизации научного знания не нужны специально подготовленные журналисты или СМИ, ориентированные на популяризацию. Что касается «поп-науки», то это совершенно отдельный жанр или разновидность информации, использующая научное поле как «источник тем» для развлекательного контента. Здесь в принципе действуют другие механизмы: вовлечение аудитории строится на поиске «фана» в области науки, создание определенных «фокусов», основанных на научных экспериментах, опытах и т. п. [3]. Чаще всего здесь нет привязки к собственно «передовому краю» научного знания. На перекрестке этих двух «крайних» точек поля находится так называемая «научная коммуникация». Стоит отметить, что в европейской системе поддержки научных проектов в критериях оценки их качества различаются два (по замыслу экспертов, не совпадающих) действия – dissemination (распространение сведений об исследовании *внутри* научного сообщества; например, публикация статей в научных журналах, выступление на кон-

ференциях) и communication (что означает рассказ об исследовании для широкой публики, неподготовленного читателя). Последнее при этом вовсе не означает, что исследователь планирует «развлекать» аудиторию своим контентом; однако поиск форм донесения информации для любознательного неспециалиста остается здесь значимым. В российской системе экспертизы заявок на гранты «научная коммуникация» не рассматривается как важная часть (хотя, например, Российский научный фонд включает в оценку работы команд публикации в СМИ, впрочем, как необязательный элемент). В области формулирования навыков специалистов высшей школы научная коммуникация отсутствует (в то же время, можно считать, что требования к специалисту включать результаты исследований в учебные материалы как раз и являются вариантом «научной коммуникации»).

Недоверие к СМИ и журналистам со стороны научного сообщества. Это еще одна «застарелая» проблема, связанная с представлением о средствах массовой информации как пространстве «сенсаций и скандалов». В современном медиатизированном обществе само понятие СМИ претерпело значительные изменения, а «борьба за аудиторию» ведется не между отдельными СМИ, но между тысячами различных акторов, обеспечивающих контент, который пользователь может свободно выбирать, не «привязываясь» к таким важным в прошлом параметрам, как «содержание журнала», «рубрики газеты» или «программа передач». Профессиональный журналист работает в совершенно уникальных условиях функционирования того СМИ, которое он представляет, и, соответственно, подчиняется своему «брендбуку» (и у каждого СМИ такой свод правил может сильно отличаться от других). Никакого «среднего понятия» журналиста или СМИ в современных условиях не существует, а поэтому и представление о том, что «все журналисты» обладают какими-то определенными недостатками, не позволяющими «грамотно» популяризировать науку, выглядит устаревшим и не отвечающим действительности. Представление обо «всех СМИ» как о системах поиска скандалов тоже не способствует взаимной выгоде общения журналистов и ученых.

В заключение отметим, что понимание современных реалий информационного пространства со стороны научного сообщества могло бы способствовать повышению эффективности как журналистской работы в области освещения новостей научного мира, так и укреплению позиций ученых, также действующих в условиях конкуренции в области идей, их распространения и институциональной поддержки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740012.

Библиографические ссылки

1. *Брызгалин Е. А.* Википедия сквозь призму информационного энвайронментализма // Экопсихологические исследования – 6: экология детства и психология устойчивого развития. 2020. № 6. С. 435–438.
2. *Латур Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. № 5–6(35). С. 1–32 [Электронный ресурс]. URL: <https://phil.hse.ru/data/2014/10/07/1100064473/Латур%20Б.%20Дайте%20мне%20лабораторию%20и%20я%20переверну%20мир.pdf> (дата обращения: 04.01.2021).
3. *Панюкова С. А.* Научно-популярный сторителлинг на YouTube-канале // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 1 (27). С. 122–128.
4. *Knorr-Cetina K. D.* The Manufacture of Knowledge: An Essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science. Oxford : Pergamon Press, 1981.
5. *Latour B., Woolgar S.* Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts. London and Beverly Hills : Sage, 1979.